

Время покажет.

НАРУТО.

«Нару-нии!» – возбуждённо прокричал Наруто. “Ой” – вскрикнул Нару-нии, когда Наруто продолжил говорить. «Должно быть, это лучшая техника НА СВЕТЕ!»

“Подожди ... ты им овладел?” – с недоверием поинтересовался Нару-нии. “Ты правда овладел Расенганом?”

«В яблочко» – взволнованно заявил он. «Я не мог уснуть – просто у меня было слишком много энергии, поэтому с помощью чакры Курамы я наделал кучу клонов, и мы тренировались всю ночь. Я всё утро проделывал дыры в деревьях! Если мне когда-нибудь доведётся тыкнуть этим кого-нибудь, то пиши пропало!»

“Отличная работа! Чёрт возьми, я думаю, что ты освоил его гораздо быстрее, чем я” – весело отметил Нару-нии. “Хотя я не знал о том, что мои клоны могут помочь мне с тренировками, и узнал только годы спустя, после того, как научился его использовать ... и это действительно меня бесит, честное слово.”

«Ага! Я подумал, что Какаши-сенсей мог бы рассказать мне всё о Каге Буншин, но именно Куренай-тян сообщила мне об его побочных эффектах. Вообще-то мне нужно поговорить с тобой о ней» – Наруто рассказал Нару-нии о том, насколько больше её станет в его жизни, а также о том предложении, которое она ему сделала насчёт помощи в тренировках.

“... Мне всегда говорили, что мне везёт, но до сих пор я никогда не верил в это” – пробормотал Нару-нии, а Наруто даже смог услышать его лёгкое сопение.

«Нару-нии?» – тревожно окликнул его Наруто.

“Ладно, счастливый лис” – отозвался Нару-нии, и прочистив горло вернулся к делам. “Мнн, насколько я помню, Куренай-сенсей всегда была чертовски умна” – вслух вспоминал Нару-нии. “Она мастер гендзюцу, а это очень трудная вещь. Команда восемь всегда была довольно сильна, поэтому я знаю, что она хороший сенсей.”

«Пффт» – высунул язык Наруто. «Кто не хороший сенсей по сравнению с Какаши?»

“Поверь мне, я знаю, какой это отстой, что он тренирует Саске ...”

«Верно подмечено и ещё какой» – возмутился Наруто. «И он никогда не рассказывал мне о тренировках с Каге Буншин!» – добавил Наруто.

“Да, да, и он не рассказывал тебе о тренировках с Каге Буншин” – поддакивал Нару-нии своему младшему ‘я’. “Но даже несмотря на это, у тебя безумно хорошо получается, намного лучше,

чем у меня в твоём возрасте. Я знаю, что ты хочешь, чтобы они признали твою силу, но самое важное назначение этой силы – это защита твоих друзей, дорогих тебе людей и, самое главное, любви всей твоей жизни ... Куренай-сенсей ...”

«Предатель!» – прокричал Наруто, услышав, как Нару-нии хохочет до упаду. «Ты же знаешь, Сакура-тян навсегда в моём сердце!»

“Знаю, знаю, я просто пошутил” – рассмеялся он. “Просто, это ... Нет, я просто не могу в это поверить! Куренай-сенсей!”

«Прощаю, на этот раз» – шутливо предостерёг Наруто. «И только потому, что мне понятно всё это. Я люблю Сакура-тян, но Куренай-тян ... это женщина!»

“Да, и та, кто хочет помочь тебе стать сильнее” – заявил Нару-нии, разряжая атмосферу игривого подшучивания. “Она та, кого мы должны защищать, поэтому я хочу убедиться, что ты достаточно силён, чтобы защитить всех.”

«Да» – согласился Наруто, а интонация его голоса стала более серьёзной. «Это обещание на всю жизнь!»

“Да, чёрт побери!” – отозвался Нару-нии с таким же энтузиазмом.

Затем Наруто спросил: «Так что, что ты думаешь о том, что Куренай-тян будет помогать нам? Я действительно думаю, что ей стоило бы ... ну знаешь, потому что она умная и всё такое.»

Нару-нии от души рассмеялся. “Да уж, держу пари. Не думаю, что это плохая затея, но я всё ещё считаю, что мы должны быть осторожнее. Если она начнёт задаваться вопросом, откуда ты знаешь вещи, о которых знать не должен, то это может плохо кончиться и у тебя появятся проблемы с твоим обучением. Ты никому не сможешь помочь, если тебя запрут в камере для допросов.”

«Держу пари, всё будет хорошо» – уверенно ответил Наруто. «Так, и что мне ей сказать, когда она спросит, как я смог освоить Расенган?»

Нару-нии замолк. “... Вот дерьмо” – выругался Наруто из будущего. “Ухх, я не уверен, что у тебя получится. Этого нет ни в одном из свитков, и единственные два человека, которым известно об этом, это Эро-саннин и Какаши-сенсей.”

«Так и что мне сказать, когда я использую его?» – задался вслух вопросом Наруто, вспоминая свои многочисленные мечты об использовании этого нового дзюцу, когда он смог бы спасти принцесс от злых военачальников. «Когда я использую его на глазах Какаши-сенсея или если узнает Джи-чан, разве они не спросят меня, откуда я узнал про него?»

“... Это хороший вопрос” – медленно признал Нару-нии, по-видимому, погружённый в собственные мысли. “Не могу поверить, что я не подумал об этом. Я просто был очень сосредоточен на твоём обучении, и не думал о том, что скажут другие, понимаешь?”

«Иии ...» – раздался голос Наруто, когда он предоставил продолжение Нару-нии.

“Эй, а чего это я постоянно думаю” – парировал Нару-нии. “Ты тоже помогай. Мы оба шутники, даттебаё.”

Закатив глаза, Наруто спросил: «Мнн, может кто-то нам рассказал?»

“Хм, если бы мы сказали, что кто-то научил нас ... ну, научил тебя, тогда нам пришлось бы сказать, кто именно. И мы определённо не можем сказать, что это Эро-саннин или Какаши научили нас этому, потому что я уверен, что они станут отрицать это, если Джи-чан спросит у них. Если мы скажем, что узнали его из свитка, то я уверен, что тебе придётся, если не вручить его им, то хотя бы предъявить доказательства.”

«Мнн, мнн» – хмыкнул Наруто в знак согласия, после чего спросил: «Разве я не могу просто сказать, что научился сам?»

“Ну, ты мог бы” – скептически начал Нару-нии и добавил: “сомневаюсь, что они поверят тебе, особенно если учесть, что создатель этого дзюцу ...”

«... Четвёртый Хокаге» – закончил за него Наруто.

“Точно” – подтвердил Нару-нии, после чего в его удалённой во времени голове сформировалась идея. “Сейчас, когда я подумал об этом, возможно, существует способ объяснить это или, по крайней мере, доказать обратное будет невозможно.”

САКУРА.

Наруто покинул её тридцать минут назад, после того, как Сакура попросила двухчасовой перерыв. Они тренировались с того момента, как она обнаружила его на Тренировочной Площадке №28 в девять утра. Даже с её совершенным контролем чакры, усиливающим её атаки самым эффективным образом, её выносливость была настолько жалкой, что она ни за что не сможет его пережить. Последние тридцать минут она провела на траве, вся в поту, она тяжело дышала и испытывала голод.

Несмотря на то, как трудно было тренироваться с Наруто, Сакура не могла сказать, что она ненавидела это. Она замечала разницу день ото дня, и она могла с гордостью сказать, что она делает успехи. Каждый день она могла сделать чуточку больше, и после недели регулярных тренировок с идиотом, она не боялась этого, как это было по началу. Она всё ещё ненавидела Наруто, но тренировки, по крайней мере, явно шли ей на пользу.

Тем не менее, ей нужно было подниматься и идти домой, чтобы принять душ и закончить первый отчёт для Ино о “Навязчивой Любви”. Когда она сторонилась Саске-куна, это сопровождалось вездесущей гложущей болью, которая разъедала её внутренности. В то же время тренировки с Наруто заставляли её чувствовать себя неудачницей – не в качестве просто женщины, а в качестве куноичи; самое трудное правило для Сакуры, которому она должна была следовать, это составление отчёта для Ино, которого та ожидает. Обладая всесторонним аналитическим умом, Сакура была способна уловить закономерности и подсказки, закрепить это в своей памяти и начать сравнивать расхождения между её личными переживаниями и текстом, который она читала. По какой-то странной причине там утверждалось, что её проявление любви к Саске-куну является нездоровым.

Для неё это было просто смехотворно. Очевидно, они этого не понимали, поэтому написание её отчёта становилось ещё более трудным. Как куноичи года, Сакура написала много отчётов, и за каждый из них она получила отлично. С её памятью это было просто, и теперь эти прекрасные воспоминания оказались запятнаны этим токсичным бредом сумасшедшего. Однако, несмотря на своё отрицание, исследование, которое её заставила писать Ино, засело у неё в голове, насмехаясь над чистотой её чувств. На самом деле существовало расстройство под названием Болезнь Навязчивой Любви и Сакура помнила всё это:

“Навязчивая любовь имеет признаки зависимости, такие как пространное обсуждение объекта своей любви, неоднократные попытки сближения с объектом своей любви, отчуждение друзей и семьи ради объекта своей любви, саморазрушение/самопожертвование ради объекта своей любви, склонность испытывать чрезвычайно положительные эмоции или чрезвычайно негативные в зависимости от отношения объекта своей любви, неспособность сосредоточиться на своих общественных, образовательных или семейных обязанностях вне объекта любви.”

Сакура была вынуждена, читать, запоминать и даже использовать свою собственную жизнь в качестве примера для каждого предупреждающего сигнала, когда её острый ум с лёгкостью вспоминал точные примеры. Сакура помнила, как разговаривала со всеми о Саске-куне. В частности, её родителям без конца приходилось выслушивать пересказ всего, что произошло с Саске-куном за день в академии. Она всегда спрашивала Саске-куна, не хочет ли он пройтись по магазинам, прогуляться, позавтракать, пообедать, поужинать, потренироваться – всё на что он мог бы ответить согласием. Таким же образом, любой, кто любил Саске-куна, естественно, становился её врагом. Кроме того, любой, кто не поддерживал её любовь к Саске-куну, становился для неё недопустимым препятствием; это затрагивало практически все личные отношения, которые у неё были – не то чтобы их было много. Сакура вспомнила, как игнорировала своего отца, когда он советовал ей меньше концентрироваться на мальчике и больше уделять внимания учёбе.

“В одночасье Ино стала твоей соперницей” – добавил голос.

Естественно, Сакура пожертвовала бы своей жизнью ради Саске-куна, но разве можно это назвать навязчивостью? Хокаге любит свою деревню, и все знают, что он с радостью отдал бы свою жизнь за неё. Чем Сакура отличается от остальных? Если Саске-кун что-то ненавидел, то и она также это ненавидела. Сакура услышала, что ему нравятся длинные волосы и отпустила их. Наруто, в частности, ощущал на себе её кулаки – столько раз, что она даже не могла сосчитать – за каждое нанесённое Саске-куну оскорбление.

Сакура чувствовала себя несчастной – её внутренности лишились жизни и разлагались. Из дня в день она страдала из-за направления, в котором её жизнь была вынуждена продвигаться, и всё из-за Ино. Сакура придумала несколько планов, благодаря которым она могла бы украсть предметы шантажа, но, разумеется, она не могла быть уверена в том, что она заберёт всё, или же Ино могла сделать копии, а это уже создавало риск того, что Саске-кун узнает о её позоре. Она подумывала о том, чтобы лично поговорить с Хокаге и умолять его осторожно потребовать у Яманака эти неприятные фотографии. Однако, естественно, Ино может солгать и сказать, что она не знает, о чём они говорят, и что это превратится в “она сказала, она сказала”, или же Ино может распространить фотографии, до того, как они будут возвращены. Было слишком много неизвестных, и это приводило к тому, что каждый из её планов разбивал ей сердце.

И это разрушило бы её конечную цель – убедиться в том, что её любовь к Саске-куну выживет. Если Сакуре придётся провести некоторое время с белокурым сгустком энергии и не приглашать Саске-куна на свидания, то она сделает это. До тех пор, пока существует слабый шанс на то, что она сможет перебороть этот шантаж, в долгосрочной перспективе её любовь сохранит жизнеспособность. На данный момент Сакура вкладывала все свои тревоги и разочарования в тренировки. Это был лучший и единственный способ преодолевать этот кошмар, ставший для неё действительностью.

Как бы ей ни было неприятно это признавать, она кое-что приобретала от этого рабства. И по какой-то причине, она на самом деле училась у Наруто. Если бы не он, она бы не узнала, что имеет предрасположенность к стихии Земли и небольшую к стихии Воды. Когда он объяснил свою тренировку с листом, она действительно была очарована. Что отстающий из их класса тренируется с манипуляцией природой, на годы – может быть на десятилетия – раньше того времени, когда это могло бы стать возможным, и это было за гранью её понимания. Сакура была уверена, что она сама не готова к такому виду тренировок и даже подумала о том, что и Саске-кун тоже. У неё просто не было таких запасов или выносливости для столь напряжённого соблюдения условий, что в действительности подогревало Сакуру до вероятности того, что она перестанет считать Наруто совсем безнадёжным идиотом, как это было прежде.

Хотя ей и хотелось задать ему несколько вопросов, Сакура просто не могла позволить себе общения с блондином до такой степени. Кто знает, как он это воспримет, и последнее, чего ей хотелось, это то, чтобы он снова начал постоянно к ней приставать.

“Прямо как у тебя с Саске-куном” – спокойно произнёс глупый голос в её голове. Зажмурившись, Сакура схватилась за свои неухоженные и грязные волосы и провизжала в открытое небо над головой. “Я умираю” – подумала она, ненавидя свои мысли, ненавидя свои воспоминания и больше всего ненавидя Ино. “Это конец!”

ИНО.

Ино безмятежно плюхнулась на матрас, зарываясь головой в подушку, чтобы заглушить крики удовольствия, когда её второй оргазм сотрясал её дрожащую чувствительность. “Уухххххх, это было тааак” – мысленно простонала она, когда её текущие мысли растворились в сладком гудении окончания её оргазма. Вернувшись в чувства, она разжала фото, смятое в её жёсткой хватке, когда на изображении её в качестве Сакуры, сосущей член Наруто появилось ещё больше складок.

Ино уже привыкла к этому ежедневному ритуалу, покорно исполняемому минимум три раза в день – до и после сна, а также в какой-то момент в середине дня. Поначалу, снов и воспоминаний было более чем достаточно для стимуляции, чтобы достичь высот и заставить себя разразиться фонтаном, однако с каждым днём она чувствовала, что мощный эффект постепенно идёт на спад. Только после тех манипуляций с Сакурой, это волнение взлетело почти до уровня первой недели после лишения её девственности.

Она должна абсолютно ненавидеть то, что она сделала с Наруто, и в какой-то момент времени так и будет, однако, это было и по её и не по её собственной воле, как бы странно это ни звучало. Ино знала, что никогда не сделала бы этого с Наруто, но она сделала, и только по этой причине, она испытывает это неуправляемое возбуждение. Поэтому, несмотря на то, что она знала, что должна ненавидеть это, её рациональное мышление никогда не могло пропустить болезненного факта, что она действительно хотела, чтобы это произошло. Не обязательно с ним, но ей определённо нравилось это чувство, когда оно прорывалось через неё снова и снова, разрывая её центры удовольствия до белого забвения. Ино не могла удержаться от желания упасть в обморок, сжимая твёрдый член так сильно, что казалось, будто она пытается проглотить его.

“Успокойся, Ино” – пыхтел её разум, уже ощущая, как её возбуждение нарастает от мысли о члене Наруто, наполняющем её незащищённое лоно своим зачинающим детей кремом. По сей день она не могла понять, почему она оказалась поражена этим подавляющим чувством экстаза, но это случилось, и она заставила Наруто удовлетворять её плотские желания. Именно этот факт удерживал её от настоящей ненависти к нему или к тому, что произошло. И это причина, по которой она удовлетворяет себя каждый день.

Ино переживала, что, возможно, у неё сексуальные отклонения: что она извращенец; именно это все женщины инстинктивно ненавидят в мужчинах. Это внутреннее откровение тревожило её, как ничто другое, заставляя её постоянно задаваться вопросом: “А могут ли девушки быть извращенцами?” – Ино знала, что женщины сплетничают и заигрывают, но это не то, что раскрывается перед широкой публикой. В отличие от мужчин, женщины слишком уважают себя, чтобы свистеть в след, подглядывать, выслеживать или красть нижнее бельё. И хотя она не чувствовала необходимости свистеть в след Наруто, подглядывать за ним или преследовать его, она понимала, что каким-то образом он изменил её, может быть, открыл часть её, о существовании которой она никогда не подозревала, или, возможно, она узнала бы о её существовании в свои более поздние годы.

Раньше она была девочкой-ниндзя, хорошо обученной начальным навыкам искусства убийства ... или ловли глупых кошек, но сейчас она стала женщиной, когда в ней пробудились потребности, с которыми она не знала, как совладать в полной мере. Она чувствовала себя намного лучше, чем в первую неделю после встречи с Наруто, но её разум вцепился в те образы, в те звуки и в те мощные ощущения, которые она испытала, находясь с ним. Её разум воспроизводил их каждую ночь, и её тело каждый раз реагировало на них. Отложив погнутую фотографию, Ино озадачилась: что еще может помочь ей исследовать её непристойное любопытство, что ещё можно узнать о её теле и насколько ей может это понравиться.